

Автор → [Дмитрий Фурман](#)

Малые альтернативы 2008 года и большие альтернативы неопределённого будущего

12 мая 2008, 09:40

Адрес → <http://polit.ru/article/2008/05/12/furman/>

Мотивы серии решений Путина – уйти с поста президента, назначить президентом Медведева, а самому – стать премьером и председателем «Единой России» – нам неизвестны и очень мало понятны, как очень мало понятен и ряд его предшествующих действий, производящих впечатление пассивности фокусника или манипуляций игрока в «напёрстки» (для чего надо было устраивать соревнование рейтингов между Медведевым и Ивановым? для чего надо было менять Фрадкова на Зубкова?). Но вне зависимости от таинственных мотивов действующего президента эти решения создали новую для России неустойчивую ситуацию. Нет никаких сомнений, что как бы хорошо ни относились друг к другу Путин и Медведев, для бывшего подчинённого стать начальником своего бывшего начальника, а для бывшего начальника стать подчинённым своего бывшего подчинённого всегда психологически трудно. И так же психологически трудна эта ситуация, когда не ясно, кто настоящий начальник, для бюрократического окружения Путина и Медведева. Очень мощные силы будут действовать в направлении ликвидации этой неудобной для всех ситуации.

Логически такая ситуация может иметь только два конечных исхода. Первый исход – превращение Медведева в реального президента – «хозяина», каким был его предшественник. При этом Путин через какое-то время уходит со своих постов или добровольно (может быть, так у них и задумано), или «добровольно-принудительно». Второй исход – противоположный. Медведев соглашается на роль «пешки» и переходной фигуры на те четыре года, которые нужны Путину для формального соблюдения конституции, которое ему почему-то очень важно. Реальная власть остаётся в руках Путина, который через четыре года возвращается на пост президента и спокойно правит ещё восемь лет. Между этими двумя основными и в логическом пределе неизбежными альтернативами может быть ещё целый веер альтернатив меньшего масштаба и «компромиссных» исходов – например, Путин уходит, но только после первого срока Медведева, или уходит с премьерства, но закрепляется в «Единой России» и т.д., и т.п. – все их не просчитаешь.

Какой из этих возможных исходов реализуется, предугадать совершенно невозможно. Это зависит от тысячи абсолютно неизвестных нам и даже в принципе не предсказуемых факторов и совершенно случайных событий. Здесь – простор для будущих романистов, режиссёров кинофильмов и историков с романтически-детективным уклоном.

Но неустойчивость и альтернативность ситуации ещё не означает, что она важная. Она, несомненно, важна для наших двух начальников, членов их семей и их непосредственного окружения. Но какое значение она может иметь для страны? Не всё ли равно, какая фамилия у нашего президента, если при этом система остаётся неизменной и развитие продолжается свои чередом? Но некоторое значение разные исходы теперешней ситуации для развития страны, как я думаю, всё же имеют.

Оценивать возможные исходы мы должны, исходя из того, как они могут повлиять на сроки, форму и последствия двух неизбежных событий неопределённого будущего. Это – разрыв цепочки назначающих друг друга или «самоназначающихся» президентов (конец основанной Ельциным «квазидинастии») и переход от имитационной демократии к реальной, с настоящими альтернативными выборами.

Оба этих события безальтернативны. Теперешняя президентская квазидинастия никак не может быть вечной и даже не может быть долговечной. Я думаю, что это утверждение не нуждается в особенных доказательствах. Равным образом, всё современное развитие (и более того – всё развитие нового времени) говорит о том, что неизбежен и переход к реальной

демократии, которая является нормой современного мира, необходимой составляющей современного развитого общества и соответственно – объективной целью развития стран, до неё не «доросших». То есть альтернативы связаны не с тем, будет ли наша квазидинастия вечна или она прервётся, и не с тем, придёт ли в конечном счёте Россия к реальной демократии или она будет всегда жить в имитирующих демократию системах, сменяя каждый раз «безальтернативных» президентов и президентские квазидинастии, а в том, когда произойдут эти события, совпадут ли они во времени (например, конец нынешней квазидинастии и будет переходом к демократии), в какой форме они произойдут и какой Россия выйдет из теперешнего состояния и перейдёт к реальной демократии.

Конец современной имитационно-демократической системы с «ельцинской династией» может произойти раньше или позже. Он может быть катастрофическим, сопровождающимся глубоким политическим кризисом и хаосом, или относительно «мягким» (совсем бескризисным он быть не может).. Он может повлечь за собой переход к реальной демократии сразу же или (что маловероятно, но всё же возможно) может привести после периода хаоса к появлению новой имитационной системы, что отодвинет всё равно неизбежный переход к демократии в будущее (ясно, что степень «жёсткости» падения имитационной системы, степень хаоса после этого падения и шансы на то, что оно сразу же приведёт к реальной демократии взаимосвязаны - чем падение «мягче», а хаос меньше, тем переход к демократии вероятнее). Эти предстоящие кризисы неизбежно сопряжены с определёнными «издержками», но эти издержки могут быть и громадными, и сравнительно небольшими. Россия может выйти из них или относительно мощной страной (но, конечно, не «супердержавой»), или страной, совсем утратившей былое значение.

Естественно, что «хороший» вариант исходов этих будущих кризисов заключается в том, чтобы издержек было как можно меньше, чтобы прекращение династии произошло скорее, но главное – привело бы сразу к переходу к реальной демократии, а не к хаосу, из которого вырастет новая имитационная система, и чтобы Россия вышла из этих кризисов не страной с 50 миллионами населения, потерявшей Дальний Восток и Сибирь, а страной хотя бы со ста миллионами, которая вступит в ЕС и НАТО (или организации, которые придут им на смену) и будет там играть не последнюю (хотя и не доминирующую) роль.

Значимость теперешних «малых» альтернатив определяется тем, могут ли их возможные исходы, сейчас не ощущающиеся как имеющие непосредственно большое значение (если бы Путин, например, назначил преемником всё же Иванова, а не Медведева, это, вероятно, почти никого бы не взволновало), повлиять на исход этих действительно «больших» альтернатив будущего, делают ли они более вероятным «хороший» или «плохой» варианты.

Вообще всё наше развитие после 1991 года делало «хороший вариант» всё менее и менее вероятным. Мы «благополучно» миновали ту стадию, когда была возможна мягкая «цветная революция» и стремительно шли к «жёсткой» системе типа узбекской, конец которой может быть только катастрофическим. У нас уже практически исчезла та легальная оппозиция, которая могла бы относительно организованно прийти к власти, как это произошло на Украине. У нас тщательно заделаны почти все каналы, по которым общество могло бы упорядоченно выражать протестные настроения, закрыты клапаны, по которым пар может уходить из котла. Власть всё больше лишается обратных связей с обществом – как и советские власти, теперешние смотрят телеканалы, которые они сами контролируют, и читают газеты, которые они сами передали в руки доверенных людей. Мы «на новом витке спирали» повторяем в смягчённом варианте советское развитие и это означает, что в конце это витка наш ждёт новый вариант советского коллапса.

Но решение Путина уйти с поста президента (уже состоявшееся и перешедшее из разряда маловероятных возможностей в разряд данностей) внесло в эту систему некоторые новые черты и сделало её чуть более «правовой» и гибкой. Путин создал прецедент подчинения первого лица государства Конституции, что совершенно не свойственно подобным системам. Это способствует усвоению обществом конституционных норм. Система становится несколько более «мягкой» и «правовой». Власть утрачивает «сакральность» и отношение к ней становится более свободным (известно, что через 4 или 8 лет президент уйдёт). Возникает нечто вроде реального разделения властей. Всё это в какой-то мере делает более вероятным «хороший» или хотя бы не самый «плохой» вариант.

И одновременно Путин, скорее всего, из-за болезненного страха ослабления власти в «междоусобице», оставил себе значительную власть, что ведёт к неустойчивой ситуации «двух царей» и создаёт новые альтернативы. Как же на «большие» альтернативы будущего могут повлиять разные возможные исходы этой теперешней неустойчивой ситуации?

Я думаю, что если исходом её будет сохранение реальной власти у Путина и превращение Медведева в чисто символическую фигуру, это практически сведёт к минимуму положительное значение путинского подчинения конституции и даже будет означать шаг в сторону более персоналистской и менее правовой, более «жесткой» системы со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Напротив, превращение Медведева в реального, хотя и ограниченного двумя сроками, главу государства (совершенно не зависимо от его несколько «либеральных» тенденций) означало бы значительно большее сближение реальной системы власти с формальной конституционной нормой, деперсонализацию режима. Разница между первым и вторым исходами похожа на разницу между чисто персоналистским и жестким режимом клана Сомосы в Никарагуа, который тоже (очевидно, для успокоения США), периодически делал формальными президентами не прямых представителей клана, и режимом Институционально-революционной партии в Мексике, при котором президенты назначали преемников, но были четко ограничены во времени своего правления. Оба эти режима – имитационно демократические, но первый, более репрессивный и «жесткий», как мы знаем, «кончил плохо», а второй – значительно мягче и безболезненнее.

Но самым лучшим вариантом, как я думаю, являются не сами по себе эти два возможных исхода теперешней альтернативной и неустойчивой ситуации, а её сохранение на максимально долгое время, когда Путин и Медведев действительно стали бы для общества некими политическими альтернативами, когда разделение властей и их не полное единодушие стало бы относительно привычным. Самый хороший (хотя и маловероятный) вариант – это тот самый пресловутый «раскол элиты», которого Путин и правящая верхушка в целом всеми силами старались избежать при смене президентов.

Если стадию эволюции, при которой возможен не совершенно спокойный и конституционный (такой возможности в постсоветский период вообще не было), но относительно мирный переход власти к оппозиции, мы уже прошли, то единственной видимой перспективой перехода к реальным альтернативным выборам (и соответственно – избежания «плохого варианта») остаётся только эта. Теоретически что-то в этом роде могло произойти даже в 2008 году, если бы Путин решил передать выбор между Ивановым и Медведевым избирателям. Это был бы, конечно, псевдovýбор между двумя мало отличающимися друг от друга членами одной команды, но это всё же был бы выбор. И он привёл бы к кристаллизации разных политических сил, появлению реальной конкуренции. Следующий подобный выбор мог бы стать уже значительно более реальным. Возможно даже, что нечто похожее у Путина в голове было. Но это для него, вероятно, оказалось слишком радикальным решением. Тем не менее, подобный вариант, я думаю, в будущем не исключён.

Уход Путина с поста президента говорит о том, что он и, очевидно, кое-кто в его окружении, понимают (или чувствуют), что мы подошли к той черте, за которой любые возможности «мягкого» конца нашей квазидинастии и перехода к демократии окажутся невозможными. И власть пытается нащупать пути сойти с эскалатора, везущего нас напрямик к очень болезненному и глубокому кризису. Можно только пожелать, чтобы эти поиски увенчались маловероятным, но всё же возможным успехом.

